

Автор: Белгалис Галина Алексеевна

Книга: Гусар-конькобежец

Повесть: Гусар-конькобежец

Вот уже третий год подряд прилетала стая гусей, облюбовавшая небольшое озеро недалеко от населённого пункта. Дерзкое, но рискованное вторжение птиц имело своё преимущество: рядом село, и никто из жителей не хотел причинять вред такой красоте. Гуси чувствовали расположение сельчан и всё лето спокойно гнездились на озере.

Северная часть берега была покрыта кустарником, убегающим вверх по крутому холму, усыпанному березняком и густой сочной травой. Ближе к вершине начинался ельник, поглядывая свысока на молодые берёзки. За холмом простиралось небольшое болото, надёжно охраняя подступы к озеру. Только южная часть озера, метров триста, была доступна для купания. Тропинки, как праздничные ленточки, тянулись к селу, прячась среди травы и деревьев.

К местной детворе гуси привыкли и почти не обращали внимания, но замирали, когда шёл к озеру одинокий путник. Ребята с любовью и гордостью относились к пернатым, облюбовавшим именно их озеро. Даже самые отчаянные непоседы старались не мешать поселенцам.

Однажды два смельчака попытались приблизиться к стае и получили по заслугам от гусаков, бросившихся с шипением навстречу непрошеным гостям. Перепуганные мальчишки повернули назад, и больше никто не отважился попробовать крепость гусятинных клювов.

За кустарником, вдаль от чужих глаз, гусыни высиживали яйца и оттуда приводили своих малышей на воду. Все гуси были очень похожи друг на друга своим серым оперением и размерами, и только по воинственному настрою угадывались лидеры – гусаки. У каждого гуся у основания светлого клюва виднелась узкая тёмная полоска. Среди этой массы выделялись трое гусей серо-коричневым оперением, с более светлой грудкой, чёрной головой и шеей, белым ярким пятном на щеке и белой полоской на хвосте. Эта троица держалась как-то обособленно, будто чувствуя своё превосходство в красоте. И уже совсем непонятно, каким образом среди серых гусей особо выделялся один гусь с чёрными перьями на крыльях и хвосте и с большим чёрным пятном у основания крыла, будто кто-то специально мазнул чёрной краской. Он заметно отличался от всей гусятиной массы.

Оля часто с отцом ходила на озеро понаблюдать за пернатыми. Второй год с замиранием сердца следили за троицей, ярко выделявшейся на фоне серебристых сородичей.

– Что же это такое? Для серых гусей такие отличия крайне редки, почти невозможны. Они оперением похожи на канадских казарок, хотя с нашими серыми гусями они далёкая, но всё же родня. Это северная птица. Она никогда не прилетит на юг, если родилась на севере. Как ты думаешь, дочь, почему у этих четверых такое оперение? – в который раз задавался вопросом Тимофей.

Оля задумалась на минутку:

– Может, у них прабабушки родились на севере, или они просто заблудились и перепутали дорогу?

– Это мы, люди, можем перепутать пути, а птицы и звери чувствуют свои маршруты. Они ведь знают, где корм есть, где делать остановку, птицы без компаса летают, а с маршрута не сбиваются, у них не утрачено чувство пути, как у человека.

– Тятя, а звери все знают про эти маршруты?

– Конечно все! Они ведь с Природой общаются с любовью, связь с ней не теряли, как мы. Они знают, что она их кормилица, и дом у них на природе, не как у нас – в каменных мешках.

– Это ты про дома? – дочь с недоумением посмотрела на отца. – Почему мешки-то?

– Ну, коробки. Пыль, шум, стены не дышат. Дома тепло – хорошо, нет горячей воды – мёрзны. Вода в трубах ржавая, хлорная. Вот и перестали люди различать маршруты, сердцем разучились слышать, – сказал он с болью в голосе, – и от того, наверное, злоба в сердце человека. Чаще на дачи ездить надо, на природу.

– А у нас дома стены дышат?

– Естественно, дом-то из брёвен, дерево тепло солнышка хранит. Тебе разве не дышится дома?

– Ещё как дышится, – дочь радостно заулыбалась. – Я люблю свой дом. Мы же на природе, да?

– Да, дочь, мы на земле, и водица у нас родниковая, поэтому ты у меня такая смышлёная.

Оля благодарно прижалась к отцу.

А про казарок я так думаю: может, в каком-то зоопарке скрестили нашего серого гуся с северной птицей? Улетать не улетает, но держится обособленно. Казарки ведь относятся к утиному роду, как и гуси, отличаются только массой и оперением. Видимо, к этим черноголовикам попала кровь северных птиц, что и изменило их внешний вид, оставив верность своей родине. Может быть и другая их история оперения, но об этом нам не узнать. Что только не бывает в природе. Видишь, – отец показал рукой на озеро, – гусь с чёрными перьями все больше к черноголовикам жмётся, роднее они ему, что ли? Да, – проговорил мужчина в раздумье, – он мне больше интересен.

– Тятя, смотри, – зашептала Оля, теребя отца за рукав, – один черноголовик бьет другого, вернее отгоняет его от ... – она запнулась, не найдя подходящего слова.

– В этой троице, видно, два гусака и одна гусыня, вот черноголовики подругу и не поделили. Они ведь выбирают себе пару на всю жизнь, храня верность до конца своих дней, как лебеди и волки.

– А если кто-нибудь вдруг умирает? – со страхом спросила дочь.

– Умирают от одиночества и тоски или попадают в суп к охотнику.

– Что ты, тятя, разве гуси умеют тосковать?

– Гуси и любить, и страдать умеют. Учёные этих пернатых по чувствительности ставят на третье место после человека и собаки.

– Тятя, тятя, смотри, как черноголовик любит!

Два гуся-черноголовика явно понравились друг другу. Одна из казарок, что покрупнее, видимо гусак, отгонял соперника от избранницы, раскрыв крылья и громко гогоча. Он явно хвастался перед гусыней своим превосходством, показывая силу и красоту. Но отвергнутый сородич и не думал сдаваться. И стоило изгнаннику подняться над водой, как кавалер взмывал выше и камнем падал на соперника, стараясь попасть изгибом крыла в самое уязвимое место – в основание шеи, где находится нервное сплетение, обслуживающее крыло.

– Тятя, смотри, какой драчун! – воскликнула Оля, указывая на дерущихся казарок. – Гляди, и у серых гусей драка!

– Весна, каждый гусак выбирает себе подругу, важно не ошибиться в выборе. Женихам от отца невесты достаётся, если гусаку семейства не нравится кавалер.

– Ой, как у людей, – засмеялась дочь. Кавалер просит крыла у папы гусыни, да?

– Правильно, крыла, – заулыбался отец. Но если гусыня-дочь ответила на ухаживание, она подает голос в знак своего согласия, тогда и отец невесты соглашается. Смотри, как приглаживает перышки клювом жених, видишь? Вот справа пара серых гусей. Пойдем, не будем мешать им создавать свои семьи.

... Дом, где жила Оля и её родители, находился в километре от озера. Небольшое село выглядело на фоне асфальтовых дорог каким-то доисторическим памятником. Оно как будто прижималось к небольшому лесу, отстаивая своё право жить в гармонии с природой, в единении с ней. Лес – грибы да ягоды; озеро – рыба да дичь. Это всегда помогало человеку выжить, несмотря на суровые условия. Недаром зовут Природу-Матушку богатой барыней, щедро одаривающей человека. Жили в селе дружно. Подрастая, ребяташки ездили в школу, в районный городок уезжали в техникумы, институты. И что самое главное – многие после учёбы возвращались на родину, что было нехарактерным явлением для нынешнего времени.

В этом селе бурлила жизнь. Каждый следил и ухаживал за своим домом: и цветники разбивали, и сады разводили. В начале месяца ребяташки переносили табличку с надписью «Дом образцового порядка» от одного подворья к другому. Получалось село образцового порядка...

За селом начинались дачные овраги, поросшие разнотравьем, застроенные возвратившимися взрослыми детьми. На пригорках видимо-невидимо произрастало клубники, которой хватало не только сельчанам, но и горожанам, только собирай! За оврагами полоской тянулся ельник, излюбленное место маслят – хоть косой коси. А чуть правее, ближе к озеру, раскинулся небольшой лес, чудом сохранившийся в этом асфальтовом домострое. Он стоял как страж, примыкая к хребтам северо-западной частью, не подпуская цивилизацию в свои владения, сохранив и озеро, и всех лесных обитателей. И село благодаря этой защите осталось жить, сохранив свой колорит и благоустроенность жителей, приумножая своё значение возвратившимися потомками. «Где родился, там и сгодился», – любят говаривать сельчане. Притягивало к себе селение ещё и названием, которое соответствовало действительности – Причуды. Какие только чудеса не случались с жителями этого села: то волчонка выкормят, то лисёнку хвост пришьют. Было дело: охотники, имеющие разрешение, заезжали пострелять дичь, зверя, вот лисёнку и досталось. Полгода ему было, не больше. Сам пришёл в село. От хвоста через подмышку правой задней лапки и до брюшка шла большая рваная опоясывающая рана, будто отсекая хвост от туловища.

Почему лисёнок выбрал деда Матвея, известно только ему. Тот взял его, как котёнка, промыл рану раствором марганцовки, для безопасности замотал голову лисёнка лёгким покрывалом, зашил рану суровыми нитками. Раненый дёргался всем тельцем, после каждого проникновения иглы щёлкал зубами, но терпел. Рану пришлось долго лечить, не заживала. Хвост был прибинтован к задней части туловища пострадавшего умелыми руками деда Матвея так, чтобы бинты не мешали ему жить естественными потребностями. При сильной боли во время перевязки пациент хватал руку лекаря, но не кусал, для острастки сожмёт его руку и отпустит. Молоденький лисёнок так привязался к деду Матвею, лета два у него прожил, но, почувствовав в себе здоровую силу, убежал в лес, а за своё чёрное ухо получил кличку Черноухий. Долго дед тосковал по своему Черноухому, ходил за овраги, садился на пригорок и посвистывал в надежде на возвращение подопечного. Но не прибежал лисёнок.

– И то ладно, – сказал тогда дед Матвей, – значит крепко хвост-то пришил, а то бы прибёг назад.

А Демьяновы зайчихе сломанную заднюю лапку лечили. Как приползла бедная, неизвестно. Хозяин обнаружил её возле стога сена. Грязная, перепуганная, она смотрела выпученными глазами, ища сочувствия и поддержки человека. Вырванный клочок кожи возле уха говорил сам за себя – побывала в чьих-то зубах. Зашивала рану хозяйка – тетка Варвара, умеющая не только шить да вышивать, а и вывязывать подзоры (ажурные кружева-оборки под покрывало – мастерство, позаимствованное от бабушки Милены, запомнившейся сельчанам действительно милым нравом). Её так и прозвали – Белешвейка. Убранство дома напоминало ажурное облако: на подушках – накидки, на окнах – шторы, под кроватью покрывалом – подзоры – все ажурное, замысловатое, нарядное. Хорошо было в доме у Демьяновых – красиво и уютно. Не каждая семья могла похвастаться такой рукодельницей. Вот она и зашила зайчихе рану, да так, что шва и не видать было. Одно слово – мастерица! Не село, а портняжная мастерская! Зайчиха оказалась беременной и принесла потомство – два симпатичных беленьких комочка. Вячеслав Платонович так привязался к зайчатам, смастерил им клетку, ухаживал как за малыши детьми. Сам не поест, пока не накормит малышкой. Все овощи, особенно капусту и морковь, мыл так тщательно, будто на стол детям. Зайчихе тоже нравилась забота человека, она перестала трястись при его приближении. Так и осталась жить у Демьяновых, предпочитая безопасное место свободе.

Семьяновы держали овец. Вечерами у них часто собирались сельчане: новостями обмениваться, секретами поделиться, посмотреть на маленьких ягнят.

Оля часто ходила с отцом на озеро наблюдать за черноголовиками, так окрестили они казарок. Только появлялось свободное время у Тимофея, он сам спешил на озеро, беря с собой дочку. Через две недели было видно, что многие гуси образовали семьи: они заботливо ощипывали друг друга, попарно плавая на воде. На Олину радость, один из черноголовиков плавал с Чернышом (так девочка окрестила гуся с чёрными перьями на крыльях и хвосте),

гордо охраняя его от своих собратьев. Две другие казарки, прижавшись друг к другу головками, замирали, словно вокруг никого не существовало. Немного отстранившись, одна из птиц часто наклоняла голову перед другой, будто благодаря за отвоёванную любовь. Почти вся стая гусей разделилась попарно, словно собиралась играть в какую-то игру. Стоило Тимофею с Ольгой приблизиться к озеру, гортанный клич вожака вмиг поднимал всю стаю с поверхности воды. Вот и сейчас, завидев их, гуси, шумно всплеснув крыльями, взлетели.

– Тятя, чего они испугались? – Ольга заворуженно смотрела на гусей, улетающих в сторону хребта слаженным клином.

– Это они меня испугались. Мой шест они приняли за ружьё, вот и встревожились.

– А откуда они знают, когда надо улетать и куда?

– В каждой стае есть вожак, предупреждающий об опасности. Есть у них и заместитель. У гусей как в хорошей семье – младшие подчиняются старшим, опираясь на их мудрость и опыт.

Тимофеем с Ольгой прождали гусей два часа, но напрасно – те не вернулись, пока гости не ушли с озера. Всю дорогу Тимофей сокрушался:

– Ну, зачем взял шест, хотел на болото сходить, кладку яиц посмотреть. Не таскает ли их лисица? Только птиц напугал.

– Тятя, мы с тобой чаще будем приходить, они к нам и привыкнут. Не расстраивайся. Ты сам говорил, что вожак мудрый, он включит своё обаяние.

– Обояние, – поправил отец.

– Вот и я говорю, всё про тебя «пронюхает», – дочь ласково заглядывала отцу в глаза, стараясь успокоить. – Тятя, а откуда ты знаешь столько про них?

Тимофей чему-то улыбнулся.

– Мой дед держал гусей. У него их целое стадо было, около сотни. Бабушка, помню, всё ворчала, что надоели, но дед не слушал её. Он изучал их повадки, обязательно подбирал пары и держал их отдельно около месяца, заперев в сарае, пока не приживутся, не приглядятся друг к другу. И выводил такое потомство! К нему из области приезжали за советом.

– Как это – подбирал пары?

– Вот так и подбирал – здорового гусака с самой красивой и крупной гусыней. Он умел отличать гусака от гусыни, хотя домашние гуси все белые и на одно «лицо», и отличить их можно только по форме головы, у гусаков она более выпуклая, возвышается, словно корона, а у гусынь низкая и покатая. Даже бабушка плохо разбиралась в этой премудрости. За время, проведённое вместе, гуси влюблялись и больше не меняли пару. Правда, был и у него казус, – отец чему-то засмеялся. – Хочешь, расскажу?

– Конечно, тятя! – у Оли загорелись глаза.

– Вот такая подобранная пара вывела потомство, но гусыня вся какая-то квёлая ходила. А через дом от моего дедушки жил его друг – дед Елизар, он тоже держал гусей. И вот его гусак часто подбегал к нашему забору. Как только увидит эту гусыню – давай гоготать, пританцовывать. Супруг гусыни кидался на ухажёра, но мешал забор, и они друг друга через щели только клювами и молотили. Гуси ведь домашние, они не летают. И вот эта Непокорная (так назвал её мой дед) дождалась, когда ворота были открыты, и убежала к возлюбленному – к гусю Елизара. Мой дед долго искал беглянку, думал даже, что лисица унесла. Муж Непокорной сам воспитывал детей-гусят: и грел их под крылом, и водил на пруд – учил уму-разуму. Однажды мой дед пришёл от своего друга Елизара и возмущался, что видел среди его гусей Непокорную, но друг Елизар всё отрицал, а когда осенью пригласил моего деда на лапшу с гусятинкой, сознался, что суп сварен из Непокорной. Сказал, что не любит перебежчиков.

– А как же «муж» Непокорной, он что, смирился?

– А что ему оставалось делать? Дед за него всё переживал: «Встанет, – рассказывал про гуся, – как вкопанный, уставится в одну точку, и не докричаться его. Тоскует, переживает измену. Брошенный гусак то ногу себе повредит, то от сородичей на пруду достанется. Гуси слабого сородича чувствуют, стараются избавиться от него, чтобы породы не портил».

– А потом что стало с этим гусём? – Оля печалилась о заботливом гусаке.

– А что с ним может стать? В суп попал. Он ведь больше не мог потомство давать.
– Почему? – у Оли округлились глаза.
– Так не примет больше ни одну гусыню. Любовь.
– Ой, как жалко его!
– Да, нам всем было его жалко. Я тогда не мог кушать никакое блюдо из гусятины, всё казалось, что из того гуся. Время лечит, и это забылось.

Домой шли молча, каждый был погружён в свои мысли.

Всё лето ходили Оля с отцом на озеро понаблюдать за полюбившимися пернатыми. Гуси уже привыкли к этой паре и спокойно реагировали на их вторжение на свою территорию. Только когда Тимофей шёл в сторону холма, где за кустарниками высиживали птенцов гусыни, поднимался крик и шум: гусаки срывались с места и, гогоча, проносились над человеком, тревожно вытянув шеи.

– Да не трону я ваших деток, мне просто интересно посмотреть на ваше родильное отделение. Не нужна ли моя помощь?

То ли гуси чувствовали доброжелательность любопытствующего, то ли мирились с неизбежностью, но, как будто почувствовав его доброту, успокаивались. Тимофей не раз рушил силки, поставленные ушлыми ребятами. Первый раз он обнаружил вокруг силков множество перьев – был бой, но с кем? Мужчина тогда не выдержал и обратился к самому старшему из ребят:

– Алексей, что же ты отпугиваешь такую красоту? Поймут гуси, что человек им вредит, не прилетят ведь больше к нам.

Парнишка был в том переходном возрасте, когда ум ещё цеплялся за детство, несмотря на внешнее желание казаться большим и мудрым. Он был явным «вожаком» своей стаи: ребята с почтительным умилением следили за его речью и поведением. Его долговязая фигура внушительно отличалась от остальной детворы.

– Мы берём попавшегося гуся тихо, накрывая его мешковиной. Что, и за бесхозную тварь надо отчитываться? – он держался вызывающе, стараясь подбирать умные слова. – Вот Черноухий делает много шума. Наглый такой!

Ребята понимающе закивали головами, покорно поглядывая на Алексея.

– Кто такой Черноухий? – недоумённо спросил Тимофей.

– А помните лисёнка деда Матвея? Сколько раз видели, как он подкрадывался к молодняку и был таков! – захлебываясь словами, поведал один из мальчишек.

– По всем приметам это лис деда Матвея. Здоровый стал и наглый. Среди бела дня не боится охотиться, – добавил степенно Алексей.

– Вот видишь, ты сам ответил на мой вопрос, что лис здоровый и наглый. В природе идет естественный отбор, лис хватает слабого гуся, он это чувствует. А вот вы, ребята, разрушаете семьи. Ведь у гусей, как и у лебедей, создается пара на всю их жизнь.

– Скажешь тоже, дядя Тимофей, где это ты прочитал такие сказки?

– А вы понаблюдайте за поведением птиц и животных. Интересно-то как! Понаблюдайте, понаблюдайте за ними, пользы больше будет! Можете почитать Конрада Лоренца. Этот учёный интересно описывает жизнь животных, в частности гусей. Пусть радуется сердце, а не желудок – нельзя у него идти на поводу. Вы ведь съели чью-то любовь, – и ушёл, оставив в растерянности притихших ребят.

После того разговора Тимофей не видел больше силков для ловли этих прекрасных птиц.

Подрастало молодое поколение стаи, и гуси заботились о нём. По незначительному возгласу одного из родителей гусята опускали головки в озеро или разбегались по воде, развернув крылья и хлопая ими.

– Тятя, это они учатся летать? – восторженно спрашивала дочь.

– Пробуют силу своих крыльев. А как же? Прежде чем взлететь, молодой гусь должен почувствовать, что он готов. Только подготовленного птенца можно поднимать в воздух. Родители это знают, вот и учат уму-разуму. Вот и ты, Оленька, будешь с родителями до тех пор, пока не почувствуешь силу жить самостоятельно. А пока учись, как те гусята, набирайся мудрости и опыта.

У черноголовиков-близнецов, где оба родителя были с чёрными хохолками, в семье тоже было прибавление, правда, очень малочисленное: всего четыре гусёнка. У

черноголовика с Чернышом было тоже три гусёнка – то ли лис перетаскал, то ли что-то не получилось. Эту группу девочка назвала семьёй Чернушкиных, чтобы удобнее было вести о них разговор.

Родители ревностно охраняли своих птенцов. У одного на голове была чёрная полоска и такой же хохолок. Полосатиком окрестила его Оля, второй был похож на одного из родителей – с чёрными перьями на крылышках и хвосте, третий был весь серый.

Наступила осень. Воскресное утро хмурилось низкими серыми облаками, швыряя порывистым ветром мокрую листву.

– Тятя, мы сегодня пойдём на озеро? – в распахнутых Олиных глазах виднелась тревога. Ей исполнилось всего шесть лет, но до чего смыслёной и неутомимой росла девочка!

– Что-то мне сегодня не хочется выходить из дома, – отец девочки потянулся и снова залез под одеяло. – Рано ещё, шести нет, куда засобиралась? Я по хозяйству уже с утра управился, а теперь решил в выходной поваляться в постели.

– Да как ты не понимаешь, что гуси без нас могут улететь, а мы так и не узнаем их тревоги. Ну, тятя, пойдём, ты же обещал!

Тимофей недовольно сморщился, но, посмотрев в несчастные глаза дочери, все-таки вылез из-под одеяла.

– Кто фигуру бережёт...

– Будет толст, как бегемот, – подхватила дочь.

Они сделали упражнения, облились холодной водой, перекусили бутербродом с брынзой, и, запив его чаем, отправились на озеро.

Отец проследил, чтобы Ольга надела резиновые сапожки, а она в свою очередь проверила, не забыл ли он надеть дождевик и взять шест (без него на озеро уже не ходили). Тимофей взял большой рюкзак, сунул в него старый халат. Пока дошли до места, совсем рассвело. Гуси стайкой кружились над озером, вытянув шеи к воде, как будто кого-то высматривая. Их многоголосое гоготанье было призывно-тревожным. Опускаясь к самой воде, они гоготали ещё громче, будто кого-то уговаривали или о чём-то просили. Вдруг Ольга увидела двух гусей, неуклюже кружившихся на воде. У одного, что поменьше, топорщился чёрный хохолок на голове от осеннего ветра, у другого крылья и хвост будто испачканы чёрной краской.

– Это же наш Полосатик со своей... – она запнулась, – с сестрой или братом? А может, с Чернышом? – Оля беспокойно дёргала отца за рукав. – Тятя, что у них там случилось?

Полосатик расправил крылья и «побежал» по воде. Взлетев, он тут же устремился вниз, будто показывая, как надо взлетать. Подплыв к Чернышу, замер.

– Это семья Чернушкиных, ты видишь, Полосатик беспокоится, – не унималась девочка, – что у них там случилось? – в который раз спрашивала она отца.

Показался черноголовик, старый гусь, он закружился над этой парой, громче всех гогоча, опускался всё ниже и ниже к воде, стараясь уговорить семью взлететь.

– Смотри, смотри, тятя, чего это они?

– Да вижу, не гоношись. Видно ранены, – отмахнулся отец.

Гуси кружились на воде как спаянные или связанные между собой. Вдруг один, молодой Полосатик, поднял голову, издал тревожный звук и, отделившись от собрата, замахал крыльями, немного пробежав над озером, взлетел. Взрослый черноголовик, опустившись на воду, величественно поплыл к Чернышу, постоянно негромко гогоча и втягивая шею, будто кланяясь своему собрату. Подплыв, он прижался головой к голове этого гуся, замерев на минуту и нехотя развернувшись, взлетел. Стая тревожно что-то обсуждала, устремляясь к воде, но, не достигнув её поверхности, взмывала ввысь.

– Тятя, что это? Они будто прощаются с Чернышом? – у девочки в глазах стояли слёзы.

– Не пойму, доченька, что у них там произошло?

Гуси ещё раз опустились к воде и, взмыв в небо, выстроившись косяком, нехотя улетали. Тимофей пристально смотрел на то место, где кружилась на воде пара.

– Вроде все улетели?

– Тятя, тятя, смотри! – Оля показала на куст, росший почти посередине озера, чуть

ближе к противоположному берегу. – Там что-то шевелится!

– Может, ветер?

– Да нет! Видишь, возле куста?

– Ты не волнуйся, дочка, мы сейчас обойдем озеро и обследуем куст с той стороны.

Они поспешно зашагали, встревоженные неизвестностью. Пока они обходили озеро, стал накрапывать мелкий холодный дождь. Возле куста, вытянув крыло, чуть погрузив его в воду, сидел большой гусь – Черныш. Он был спокойно-важным, несмотря на свое плачевное состояние. Положив свою длинную шею на большое крыло, прикрыл глаза. Услышав приближающиеся шаги, тут же вскинул голову и беспокойно загоготал.

– Что же ты не улетел? – Тимофей встревоженно всматривался в гуся.

– Тятя, что это с ним? Миленький! – она смотрела на отца, и её глаза заволакивало слезами, как даль туманом. – Сделай что-нибудь, помоги ему! – у девочки слёзы уже лились из глаз, смешиваясь с дождём.

Тимофей с минуту разглядывал гуся, снял дождевик, отдал его дочери; скинул свитер, сапоги, брюки, оставшись только в лёгкой рубашке. Посмотрел на тучи, нехотя снял рубашку и, раздевшись до трусов, упаковал все вещи в дождевик.

– Что ты собираешься делать? – дочь испуганно смотрела на отца.

Но тот, будто вспомнив что-то, вытащил из рюкзака халат, свернув его бечёвкой, поднял на вытянутой руке и поплыл к гусю. Раненый зашипел, кружась и ударяя здоровым крылом. Его воинственный гогот не предвещал ничего хорошего для Тимофея. И всё же в этом его крике слышалась боль подбитого крыла и одиночества. Он угрожающе шипел, раскрыв свой мощный клюв, мотая головой и пытаясь ущипнуть человека. Тимофей долго не мог приноровиться, чтобы накинуть халат на голову разбушевавшегося одиночки, ткань успела намочнуть и затрудняла эту операцию. Гусь успел дважды «долбануть» противника клювом, второй удар пришёлся Тимофею в шею. Обозлившись, ругаясь, мужчина ринулся в атаку на гуся. Их силы в воде почти уравнились. Они бились как два противника. Человеку пришлось поднырнуть, чтобы обмануть забияку. Тимофей поймал шею гуся и набросил на голову мокрый халат, замотав потуже для безопасности. Пленник дёргал головой, издавая клокочущие звуки. Спеленав крылья рукой, приобняв гуся, человек поплыл с ним к берегу.

– Тятя, осторожней, не задуши его! – волновалась дочь.

Вытащив добычу из воды и затолкав его в рюкзак, отец осторожно стал освобождать голову воина от халата. Не успел Тимофей завязать рюкзак, гусь умудрился нанести сильный удар «врагу» в тыльную сторону ладони.

– Да что ты всё дерёшься? Выкину сейчас и погибай один! – досадовал мужчина, потирая укушенное место. – Больно-то как! Синяки будут, – он потёр шею, – вот дуралей, тебе же лучше делаем.

– Одевайся скорее! – верещала дочь, бегая вокруг отца. – У тебя губы посинели. Простынешь, и мне за тебя перед мамой отчитываться придётся.

Отец поспешно стал одеваться, а дочка подошла к шипящему и гогочущему рюкзаку.

Ну что ты расшипелся, мы тебе помочь хотим, – девочка протянула руку, чтобы погладить через мешок гуся, но тот каким-то чутьём угадал это и качнулся в её сторону, проявляя голосом недовольство. Оля отскочила, не ожидая такого напора, запнувшись за корягу, упала. Было видно, что ей больно от ушиба и обидно от непримиримости гусака, но она сдержала слёзы. Отряхнувшись, уже издали попыталась с ним поговорить:

– Чернышенька, ты теперь будешь жить с нами, зря дерёшься, я только погладить тебя хотела.

– Как ты его назвала? – к дочери подошёл одевшийся отец.

– Чернышенька, – она немного смешалась, – Черныш. Я его давно так назвала.

– Вот, вот, давно. Не Черныш он, а Гусар. Гордый, вольный, задиристый и нахальный.

Оба засмеялись, решив, что кличка Гусар ему больше подойдёт.

Гусара поселили в баню, самое подходящее место: и сухо, и тепло. Тимофей три дня бился, пока смог обвязать шею гуся халатом для лечения крыла. Но у птицы оказалась сломанной ещё и ножка в лодыжке, видно, в силки попал. Пришлось сделать шину из старой линейки и туго забинтовать ногу на переломе. Крыло оказалось пробито дробью в трёх местах. Хозяин умело ощупал его, нашёл повреждённые места и обработанным в спирту скальпелем вынул дробинок.

– Надо же, свинцовой дробью изрешетили. И какой человек на такое способен; поистине, нет страшной злобы и ненависти людской, – не одобрял Тимофей охоты на птиц и животных.

Обработав раны, он залепил их медицинским клеем, чтобы не попали микробы. Гусар как-то сразу присмирел. Ему оставили хлеба и воды. С безопасного расстояния наблюдали, как пленник срывал бинты с ноги, но никакими усилиями Гусар не мог осуществить это. Стоило Оле приблизиться к гусю, он угрожающе шипел и недовольно гоготал.

– Глупый, ну что ты сердисься? Раны заживут, и мы с тобой будем гулять, – девочка умоляюще сложила ладони.

– Гусар, ты же мужик, терпи боль, а то я тебя уважать перестану, – хозяин шагнул к пленнику, но тот бросался на него, как на самого лютого врага. Хлопая крыльями, гусь наступал на человека, громко гогоча и шипя, стараясь достать до противника клювом.

– Что, друг, несвободы простить не можешь? Так ты бы погиб один на озере. Скоро совсем холодно будет, а озеро наше замерзает. Так что, брат, терпи.

Гусар успокоился, будто понимая слова спасших его людей, и, забравшись головой под больное крыло, стал сдирать медицинский клей.

– Да что ты делаешь? – возмутился Тимофей, – привяжу за голову к лавке, совсем грустно будет.

Но похоже, что ни тому, ни другому не хотелось воевать, и гусь обречённо присел, вытянув шею вдоль больно крыла.

– Тятя, почему Гусар голову кладёт только на больное крыло?

– Мы с тобой тоже держимся за больное место или гладим по нему рукой. Есть такое выражение «боль как рукой сняло». Человек рукой проводит дополнительно энергию к больному месту. Ведь болит там, куда ступает. Вот рука и помогает её восстановить. Гусь своей головой помогает провести энергию к больному месту, по-моему, так.

– А почему мы эту энергию не видим?

– У неё, как и у крови, свои каналы в организме. Человек, да и все живые существа, без воды и пищи смогут прожить какое-то время, а без энергии нет.

– И без крови тоже не проживут?

– Верно, и без крови. В живом организме всё взаимосвязано. От тоски и печали тоже уходит энергия, в народе это явление называют по-своему – из него уходит жизнь.

– Ой, тятя, а жизнь из нашего Гусара не уйдёт?

– Вот и надо повнимательнее быть к горю другого, тогда и жизнь будет бить ключом, значит, энергия этого существа будет активной.

Долго привыкал Гусар к своему заточению. Только через полмесяца он разрешил Оле менять корм, тревожно вскидывая голову от каждого её движения. Тимофея же к себе не подпускал. Хозяин не сердился на него. Он подолгу сидел вечерами с Гусаром, рассказывая ему новости дня, перемены погоды, потихоньку приучая к общению. Гусь, закрыв глаза, казалось, спал, устроившись поудобней на своём новом месте, слегка вытянув сломанную ножку. Но стоило человеку приблизиться к несчастному, тот начинал шипеть и бить крыльями. Простреленное крыло ещё болело и не поднималось высоко.

– Всё, ты мне надоел своей непримиримостью, пора обрабатывать раны крыла, переклейку делать, драться полезешь, шею сверну и буду прав, понял? – Тимофей решительно направился к гусю.

Гусар, видимо, что-то понял и только негромко гоготал, то ли от боли, то ли от страха, пока захватчик обрабатывал ему раны.

– Вот и молодец, я же плохо тебе не сделаю. Считаю, что мы стали с тобой побратимами.

– Тятя, а мне можно его погладить? – с завистью прошептала дочь.

– Можно, теперь можно, – мужчина наклонился к пленнику и погладил его шею. Гусар остался безучастным.

– Миленький, ты не сердись на нас, мы о тебе позаботимся до весны, а потом отпустим на озеро. – Девочка старалась ласковыми словами облегчить заточение пленника. – Ты грустишь без воли, да? Тятя, давай вынесем его на прогулку, гусь долго воли не видел.

– Обязательно, вот через недельку снимем шину с ноги и выведем.

Через неделю, выводя гуся на прогулку, привязали к здоровой ноге длинную лёгкую

верёвку, на случай его побега. Гусар хромал, сказывалась неудачно сросшаяся кость.

– Придётся сшить тебе сапожки, – хозяин участливо наблюдал за подопечным.

– Ой, тятя, что за сапожки? – защебетала дочь.

– Ножку надо затянуть, видишь, ему больно наступать на неё.

Тимофей снял мерки с ноги Гусара и поехал в город к знакомому обувщику заказывать необычную обувь. Из обрезков натуральной кожи сапожник сшил гусю сапожки: вырезал подобие лапы, чуть больше мерки Гусара, сделал на застёжках как на пальто запах, посадив края на липучки, что позволяло регулировать объём сапога по толщине ноги.

– Ну и чудеса! – смеялся сапожник. – Никогда не шил обувь для зверей, тем более, для птиц, кому скажу, не поверят. Ты хоть этого Гусара привези в город, дай подивиться на свою работу, да и людей удивить.

– Ты что, Николай, как я тебе привезу гуся в город? У него и так сердце плачет от заточения и разлуки.

– Ты о нём говоришь как о человеке, чудно даже.

– Хоть и птичьи его чувства, но их надо уважать.

Расплатившись с мастером, радостный Тимофей поехал домой. Обувь удобно одевалась и снималась. Но первую неделю надевать сапоги на Гусара было одно мучение, хотя вскоре он смирился и позволял обувать себя. Хромота уже ощущалась меньше. Надобность в верёвке отпала – пленник не пытался сбежать. Гусар оправдывал своё прозвище и действительно был храбрым и непримиримым. Тайна, собака неопределённой породы крупных размеров, вытянутая как такса, но с торчащими ушами, пыталась объяснить новосёлу, кто во дворе хозяин. Облаяв гусака, она заинтересованно ждала его исчезновения. Но не тут-то было! Гусар ринулся на Тайну, больно укусив ее за холку. Заскулив, Тайна отскочила. Она видела, что этого нахала опекает маленькая девочка, да и хозяин с ним возится, и выказывать особую злость опасалась. Гавкнув для порядка, страж дома залезла в конуру и оттуда наблюдала за маленькой хозяйкой и её подопечным с грустной завистью. Её собачье сердце не понимало, как можно предпочесть её, верную и любящую, этому шипящему нахалу.

Всё же Гусару не нравилась обувь, и он постоянно пытался её сорвать. После победы над собакой он занялся, прямо перед её носом, важным делом – снятием ненужной кожи, завёрнутой вокруг его ног.

– Не надо, Гусар, твоей больной ножке так легче, – участливо вступала Оля в разговор с ним, – потерпи, заживет ножка, снимем сапожки.

Гусь, будто понимая речь девочки, недовольно зашипел. На этом его возмущение и закончилось.

Для выздоровления Гусару требовались продолжительные ежедневные прогулки. Территория двора уже не устраивала ни его, ни хозяев. Тайна заливалась хриплым лаем, стоило гусю распусть крылья и хлопнуть ими.

– Тятя, а вдруг он взлетит и упадёт? Крыло ведь не зажило ещё. А если улетит и замёрзнет? – Оля боялась разлуки со своим любимцем, опасаясь за его жизнь.

Тимофей решил соорудить ошейник, подобный собачьему, но только ремни необходимо было пропустить через грудь и брюшко, закрепив поводок на спине. Когда ошейник был готов, можно было безбоязненно придерживать забияку, не опасаясь за здоровье.

– Теперь можешь хлопать крыльями, развивать подбитое крыло сколько хочешь, не улетишь. Только, дочка, держи за поводок крепче, – посоветовал отец.

Бойцовский характер Гусар показывал на каждой прогулке: обязательно норовил кого-нибудь ущипнуть, выказывая своё возмущение. Все местные собаки и кошки от него шарахались в разные стороны, кроме кошки Маруськи, такой же вольной и свободолюбивой.

Оля с Гусаром гуляли за околицей. Погода стояла дождливая, что нравилось двуногому задире. Мокрая и грязная Маруська подкрадывалась к ним, прячась за пожухлой травой. Уши у неё до того были прижаты к голове, что на первый взгляд Оле показалось, что их вообще оторвали за её сварливый характер. Кошка когда-то принадлежала деду Евсею, уехавшему в город к своим детям.

Месяца через два вольнолюбивая особа сбежала от городской жизни и поселилась на чердаке своего дома, ставшего летней дачей. Зимой в доме никто не жил. Первое время

кошку кормили соседи, жалея и уважая её постоянство. Но Маруся особо не переживала: питалась мышами, зазевавшимися голубями и цыплятами. Как-то даже ухитрилась подкараулить молоденькую курочку. Покинутый дом облюбовали мыши и чувствовали себя полными хозяевами. С приходом Маруся положение изменилось – кошка навела порядок. Соседи жалели кошку, подкармливали, но иногда ей доставалось за воровство кур. Она же смело дралась за своё существование, царапая и кусая всякого, кто посягал на её свободу. И вот эта бестия кралась к Гусару, не обращая на маленькую хозяйку никакого внимания. Девочка всерьёз напугалась:

– Марусенька, пожалуйста, не обижай Гусара. Видишь, у него крыло болит, и ножка ещё не зажила.

Услышав доброжелательный тон, кошка выпрямилась и без страха пошла навстречу герою села. Гусь настороженно загоготал и, что удивительно, замер в ожидании непредвиденного знакомства. То ли они почувствовали родство душ, то ли поняли равенство своих сил, но наглое обнюхивание кошки никак не повлияло на Гусара. Он спокойно перенёс такого рода знакомство. Вытянув шею, слегка оттолкнул четвероногое чудо, освобождая себе дорогу, и важно зашагал вперёд. Выгнув дугой хвост, Маруся пристроилась рядом, будто всю жизнь ждала только Гусара. Домой возвращались втроём. Кошка поселилась в бане вместе с гусём. Помыть её не было никакой возможности. Вылизав свою мокрую и грязную шерсть, драчунья принялась за гуся. Он сначала вскинул голову и беспокойно загоготал. Влюбленная кошка послушала этот звук и, не найдя в нём ничего запретного, принялась вылизывать новоявленного друга. Потоптавшись, он лёг на пол, уложив голову на крыло. Маруся вылизала клюв, глаза, перья, успокоившись, пристроилась рядом на лавке и запела ему свои бесконечные песни. Гусар в ней нашёл не только няньку, но и союзницу и защитницу. Маруся прыгала на каждого: собаку, курицу, кошку – кто проявлял интерес к Гусару или пытался приблизиться к нему. Изогнув спину, защитница грозно шипела, задрав свой облезлый хвост. Гусю такая опека нравилась, он предоставил своей подружке оборону при прогулках, оставаясь при этом совершенно спокойным. Гусар вступал только тогда в драку, если какая-нибудь дворняга преследовала эту странную процессию, надоедая своим лаем. Он начинал шипеть и, разбежавшись, больно щипал пристающую собачонку. Вскоре все двуногие и четвероногие жители села уяснили, что лучше эту пару обходить стороной. Эти перепалки ещё больше сближали друзей. Через неделю Маруся спокойно спала рядом с Гусаром, слегка прикрытая его крылом.

Наступила зима. Озеро замёрзло. Ребята ходили к нему покататься на коньках, картонках, на подошвах сапог, разбежавшись по обкатанному льду, как по зеркалу. Любители лыж проложили вокруг озера лыжню.

Утром, когда Тимофей зашёл в баню проведать и покормить строптивую пару, он застал Маруся слишком ласковой. Она тёрлась о его ноги, мурлыча и просясь наружу, заглядывая умными глазами в самую душу хозяина.

– Что, Маруся, холодно? Я вчера протопил немного, да уморить вас боюсь. Ладно, не сердчай, сейчас тебе тёплого молочка принесу.

Когда он вернулся в баню, там никого не было.

– Что за напасть? – недоумевал хозяин. – Куда могли подеваться? – Обследовав все углы и двор и не обнаружив друзей, он серьёзно забеспокоился.

– Тайна, – позвал он собаку, – ты что же это наделала? Зачем выпустила Гусара? Он же замёрзнуть может!

Собака виновато поскуливала, понимая негодование хозяина. Она пыталась вмешаться, когда парочка выходила на улицу, но получила Марусякиной лапой по морде такой удар, от которого на носу остался глубокий кошачий след. Тайна облизывала свой поцарапанный нос, поскуливая от несправедливости.

Оля сама хотела покормить сегодня подопечных, но проспала. Уже одеваясь, девочка почувствовала какую-то тревогу. Выбежав во двор и увидев растерянного отца, она воскликнула:

– Тятя, что случилось?

– Да вот, – отец беспомощно развёл руками, – не хотел тебя волновать – нет Марусяки и Гусара.

На улице шёл снег, и завывание ветра не предвещало ничего хорошего.

– Лапы отморозит, холодно же, – чуть не плакала девочка.

– Не отморозит. Не улетел бы сдуру. Это хуже. Хоть и зажило крыло, зароется в снег где-нибудь в овраге, отыщи потом его. Вот тогда точно замёрзнет.

Ветер как назло усиливался, снег заметал следы. Отец с дочерью сходили и за село, и к оврагам, но никого не нашли.

– Вы кого потеряли? – бабка Таня несла свеженадоенное молоко приятельнице, не державшей коровы. Та жила на краю села, недалеко от озера.

– Да вот, – Тимофей опять развёл руками, – Маруську с Гусаром потеряли.

– Вот уж беда, так беда, – завздыхала женщина, – что им понадобилось на озере, не пойму? – Она хитро поглядывала на отца с дочерью. – Ветер озорует, у Марушки хвост как парус раздут, а гусак – перебежками за ней, крылья расправил и скачет, как заяц. Вот уж где умора! Я их звала домой, да где там, даже не повернулись.

Поблагодарив бабку, отец с дочерью кинулись к озеру. Гусар долбил лёд, сидя на лапах, а Маруська терпеливо ждала, жмурясь от снежного ветра.

– Гусар, миленький, ты не замёрз? – припав на колени, Оля обняла найдёныша за шею.

Гусь монотонно долбил лёд, не реагируя на свою хозяйку.

– Что же ты, кикимора, увела Гусара? – обратился хозяин к кошке. – Или ты притворяешься, что не понимаешь? Он ведь может замёрзнуть и умереть! Эх ты, а ещё в подружки набилась.

Он взял в охапку гуся и зашагал к дому. Девочка с кошкой еле поспевали за ним. Гусар то ли простыл, то ли загрустил, что не смог поплавать. Он отказался от пищи, не реагировал даже на Маруську. Та с любовью вылизывала безучастного друга. Хозяин принёс самое большое корыто, из которого кормили хрюшу Гаврюшу, отмыл его и заполнил водой. Гусь понемногу оживал, купаясь в этой мелкоте. Но его грусть становилась всё ощутимей с каждым днём, перекидываясь на всех домочадцев.

Как-то утром Тимофей пришёл весёлым.

– Оля, дочь, а ну поднимайся, я тебя сейчас удивлю.

– Господи, ну никакого покоя нет с вашим Гусаром, – проворчала жена. – Дай девчонке выспаться, только-только светать стало.

– Тятя, а что случилось? – загораясь его весельем, засобиравлась дочь.

– Ты, мать, молчи. Хоть ты тоже Маруся, но наша четвероногая бестия куда сообразительнее тебя! И не ворчи, – он подмигнул дочери, – а то призовём нашу кошку на подмогу, мало не покажется.

– Очумели, ей-богу, очумели! – недовольно проворчала женщина, процеживая утреннее молоко.

Отец с дочерью зашли в баню. Парочка нетерпеливо ждала хозяина. На Гусаре красовались сапожки. Наклоняя голову, он беспрерывно гоготал.

– Что это с ним? – Оля подбежала к Гусару.

– Я тебе, дочка, такое покажу! Сам не поверил. Пошли.

Хозяин взял на руки гуся, и все отправились на озеро. Погода стояла ясная. Лёгкий морозец приятно разогревал кровь, нежно разукрашивая щёки и нос. Ветер утих, и идти было приятно. Широкая и длинная полоска льда была кем-то очищена от снега.

– Ну, Гусар, покажи, что ты можешь делать!

Тимофей опустил на лёд гуся. Тот сначала потоптался на месте, будто приноравливаясь, и вдруг «поплыл» по льду, как по воде, только на вытянутых лапах. Он расправлял крылья, если спотыкался, и было такое впечатление, что он как конькобежец бежит дистанцию. Маруська добежала до знакомого куста и водрузилась на него, предоставляя другу возможность порезвиться. Гусар докатывался до края расчищенной полосы льда, упирающейся в куст, и всё повторял в том же порядке, только в обратном направлении.

– Мне надоело бегать за ними на озеро, – рассказывал Тимофей. – Гусар скучал по воле, вот я и относил его раненько утром на озеро, с часок позабавиться, порезвиться. Маруська конечно не отставала, настоящая подружка! Он поначалу только долбил лёд, потом стал бегать – искал, видимо, воду, так вот и научился кататься.

– Тятя, что же ты мне ничего не рассказал, – обиженно выговаривала дочь.

– Да ты не сердчай на меня, жалко было тебя будить в такую рань, – отец приобнял дочь, увлечённо рассказывая о талантливом гусеке. – Я думаю, что инстинкт пловца и подсказал ему передвигать лапами по льду, как лыжнику или конькобежцу. Вот молодчина! Ты уж прости меня, дочь, ждал, когда Гусар освоит это «ремесло». Я ведь сегодня был уже с ними на озере и так захотелось тебя удивить! Удивил? – Тимофей, прижав дочь к себе, весело засмеялся.

– Ох и удивил! – Оля тоже смеялась, забыв все обиды.

Накатавшись, конькобежец приседал, и к нему бежали сразу все: кошка, хозяин и Оля. Тимофей брал гуся на руки и уносил домой. Так продолжалось всю зиму. Когда выпадали ясные выходные дни, Гусара обязательно выводили на каток. Местная детвора расчищала себе дорожку рядом, слева и справа, уважая права конькобежца. В выходные дни почти все сельчане приходили посмотреть на это чудо, заряжаясь добрым весельем. Однажды из города даже журналист приезжал, фотографировал гусака, обещал статью написать и всё удивлялся. Статья по какой-то причине так и не вышла.

Наступила долгожданная весна. Дни становились всё теплее и теплее. Кататься по тонкому льду уже никто не решался. Отпускать Гусара одного побаивались – застрянет в полынье и снова повредит себе что-нибудь. А весна разгоралась, как хорошо сложенный костёр. На бугорках, на проталинах появилась первая зелень. Радости гусиной не было предела! Он гоготал, заглядывая в небесную синеву, пританцовывал, будто зовя кого-то. Озеро растаяло, и гусь целыми днями плавал, наслаждаясь свободой.

Оля иногда убегала домой, оставляя Гусара на попечение Маруськи. Кошка перестала таскать кур, питаясь у новых хозяев, что вполне устраивало сельчан. Эта дружба и удивляла, и умиляла всех. Наплававшись, Гусар обязательно шёл домой в сопровождении своих друзей.

...Утро выдалось ясное, солнечное. Щebetанье птиц заполнило округу. Гусар волновался. Он рвался на озеро, хлопая крыльями, пританцовывая и гогоча на весь двор.

– Что, друг, своих собратьев почуял? – спросил хозяин, как всегда утром зайдя к постояльцам. – Оля приболела, придётся тебе с Маруськой отправиться на озеро. Не подведёшь? – он разговаривал с гусём так, будто тот его понимал.

Открыв дверь, хозяин выпустил дружную пару, предполагая, что ещё день-два и Гусар не вернётся домой. Тимофея удивляло то, что Гусар не взлетал, хотя и хлопал развёрнутыми крыльями. Он шагал рядом с Маруськой до самого озера, не нарушая дружеской солидарности.

Вечером Маруська пришла одна. Шерсть клочьями висела на боках, видно снова с кем-то подралась.

– Где Гусар, ты почему друга бросила? – строго спросил Тимофей.

Кошка, мурлыча, тёрлась о ноги хозяина, подбегая к двери, будто зовя за собой. Мужчина закрыл Маруську в бане, оставив ей молока и кусочек рыбы. Кошке не понравилось, что её закрыли одну, и её раздражающее душу мяуканье долго слышалось домочадцам.

– Тятя, давай Маруську возьмём в дом?

– Не пойдёт, я уже звал, – Тимофей махнул рукой.

– Тятя, а вдруг с Гусаром что-то случилось? Почему кошка так орёт?

– Что с ним может случиться? Гуси прилетели, ей, видно, от них и досталось.

– Как прилетели? Когда? – засыпала дочь отца вопросами.

– Да рано утром прилетели. Гусар это почувствовал, поэтому и вёл себя так беспокойно. Он теперь среди своих сородичей. Не грусти, дочь, – отец видел, что глаза девочки полны слёз, – ты должна радоваться, что твой друг теперь счастлив.

– А я и радуюсь, – она отвернулась от отца, стараясь побороть свою слабость.

Утром, открыв баню, Тимофей был уверен, что кошка опрометью помчится на озеро. Но она мирно спала на лавке. Наоравшись, она съела ужин и теперь отсыпалась, чувствуя, что соваться к гусям небезопасно. Через неделю поправилась Оля, и все пошли на озеро в надежде увидеть Гусара. Черноголовиков стало больше, и было уже трудно разобрать, где какая пара. Покричав с берега, ушли домой, опечаленные предательством гуся. Оля с Маруськой часто ходили на озеро, но Гусара так и не видели.

Прошло ещё три недели. Для девочки и кошки дни тянулись долго и печально. Не радовала и весна, заглянувшая хозяйкой в каждый уголок, надев зелёный наряд заждавшейся земле. Оголтело носились птицы, радуясь, строили гнёзда, дрались за скворечники, отвоёвывая место под солнцем. Утро было ясное, солнечное, хотя накануне прошёл небольшой дождь. Маруся давно перебралась на свой чердак, но каждое утро приходила к бане за очередной порцией молока. Она по праву принимала эту заботу, уверенная, что её заслужила. Кошка по пятам ходила за Олей, скрашивая свою тоску и одиночество. Тайна, повизгивая, припадая на передние лапы, задиралась к Маруське, приглашая её к игре. И та, снизойдя до собаки, выгнув хвост, отбегала от неё, поджидая, чтобы не больно стукнуть лапой по носу.

Отец приехал на обед, оторвавшись от своих бригадирских дел. За столом он рассказывал смешные истории. Они не сразу услышали гоготание во дворе. Привлёк внимание захлёбывающийся лай Тайны.

– Что это она? – озабоченно спросила Мария. – Чужой кто-то пришёл?

– Что это? – радостно, не веря услышанному, воскликнула девочка.

Все выскочили на крыльцо. Во дворе стоял Гусар с черноголовиком. Тайна лаяла не на гусей, а в сторону дома, вызывая хозяев. Черноголовик беспрестанно шипел, поворачивая вытянутую шею то к Тайне, то к Маруське, сидевшей неподалёку. Гусар стоял смиренно и покорно. Издав какой-то клопочущий звук, он прислонил голову к черноголовику, будто поведав о хозяевах. Черноголовик с любовью стал общипывать перья на Гусаре.

– Вот тебе и Гусар! – засмеялся Тимофей. – Да это же Гусарыня! Что, потомство пришли выводить?

Он открыл новоявленной семье баню, и Гусарыня, её сразу же прозвали так, смело шагнула в знакомое жилище. Её любимый супруг не раздумывая пошёл за ней, доверяя своей подруге. Маруся попыталась тоже прошмыгнуть, но кавалер Гусарыни так зашипел на неё, что та не посмела.

– Тятя, это он осенью на озере прощался с нашим Гусаром, то есть – с Гусарыней, да? – девочка выжидательно смотрела на отца.

– Там было два гуся с чёрным хохолком, один был по всем приметам – он, а второй, видимо, их сынок или доченька, издали было не разобрать. Вот что значит верность и любовь, нашёл свою возлюбленную, молодчина! – Тимофей с ласковой улыбкой провожал взглядом гусей.

– Добро пожаловать, дорогие супруги, – раскланялась перед ними Оля.

– Опять проблема помыться, – заворчала Мария, – думала, избавились от хлопотного семейства, так нет, принесла их нелёгкая.

– Мамочка, не ругайся, это ведь здорово, что Гусар, ой, Гусарыня, нам доверяет, – она обняла мать, прижавшись головой к её руке.

– Да я и не ругаюсь. Вот потеха! Но опять к бане не подойдёшь, а где мне стирать? Да ладно, что уж там.

Хозяйка зашла в дом с улыбкой, качая головой.

Черноголовику отдали имя, принадлежавшее гусю, оправдавшему эту достойную кличку. Теперь в бане жили Гусар с Гусарыней. Новоявленный Гусар долго привыкал к новому соседству. В баню он действительно никого не пускал, на что хозяйка реагировала бурно:

– Тимофей, до каких пор твои гуси будут хозяевами во дворе и бане? Я когда смогу войти в баню? Мне там стирать удобно, ты что, меня не слышишь? – она серьёзно сердилась на мужа, не желая уступать новоиспечённым хозяевам баню.

Мужчина пытался договориться по-мужски с Гусаром, да где там – тот так защищал Гусарыню, никакие уговоры не действовали. Особенно по утрам, если гуси ещё не улетели на озеро, а Тимофей занимался во дворе по хозяйству, новоявленный Гусар, распушив крылья, с разбегу кидался на соперника (почему гусь так относился к хозяину, знало только его влюблённое сердце). Может, Гусарыня жаловалась на него? Тимофею приходилось обороняться вилами или метлой, что в это время было в руках. Гусар чувствовал, что соперник не слабее его, поэтому особой настойчивости не проявлял, но ощущал себя победителем. Так гусак выказывал супруге всю свою смелость и мощь. «Расправившись» с врагом, гусь пританцовывал возле любимой, гогоча, рассказывал о битве. Гусарыня

спокойно слушала победителя, нисколько не переживая за поражение хозяина.

– Ах ты, хвастун! – улыбаясь, Тимофей наблюдал за парой. – Выказываешь свою удаль передо мной, чувствуя, что я тебя жалею? Хвастун и есть хвастун.

Гусь кидался на хозяина, улавливая недоброжелательные нотки голоса.

– Вот драчун! – удивлялся такому натиску Тимофей, – да я тебя сейчас метлой обихожу! – уже смеялся мужчина над задиристостью гусака. – Да Гусарыня и так тебя любит, поверила тебе, что справился со мной. Ну и ладно, не буду вам больше мешать, – и хозяин бросал дела, уходя со двора, пока там находились гуси.

Из-за постоянных ворчаний супруги хозяин решил сделать пристрой к бане. Он подогнал доски, чтобы не было щелей, поставил вовнутрь большую корзину для кладки яиц, настелил соломы на пол, проём двери завесил брезентом, слегка подогнув один край так, чтобы гуси могли входить и выходить беспрепятственно. Новое жилище влюбленным понравилось больше. Здесь им никто не мешал.

Однажды Маруська подкараулила, когда Гусарыня была без своего супруга, и, счастливая, забралась к подруге в корзину. Вылизав всё, что считала нужным на теле своей любимицы, пристроившись рядом, довольная замурыкала. Гусар с шипением бросился к корзине, обнаружив по возвращении такое безобразие. Гусарыня приподнялась и, мотая головой, загоготала. Гусь остановился как вкопанный.

Маруська вжалась в корзину, готовая в любую минуту броситься наутёк. Долго супруги переговаривались, недовольно гогоча друг на друга, будто бранились. Маруська поняла, что её присутствие отвоевано, но чтобы не очень надоедать ревнивицу, степенно удалилась прочь. О маленькой хозяйке супруги-гуси, видно, тоже договорились – не задирались Гусар и к Оле, только, нагнув голову, шипел для порядка. Маруську с девочкой гусь ещё терпел, но ни хозяина, ни его супругу не подпускал к своему дому.

Все с нетерпением ждали потомства. Гусь-отец проверял кладку, засунув голову под брюхо подруги, и подсовывал клювом выкатившееся яйцо. Он сам садился в гнездо, отпуская супругу поразмяться на лужайке. Гусарыня была доброй и заботливой женой, отлучалась ненадолго, зная, как переживает любимый её отсутствие.

Погода стояла тёплая. Весенние дожди ласкали землю, пропитывая её влагой. Смешиваясь с речушками и ручейками, они размывали загостившуюся стужу, иногда набрасывающуюся на землю мелкой снежной крупой. К полудню яркое солнышко обогревало все уголки, не оставляя ни одной белой крупинки. Только по ночам ещё холодило, слегка напоминая о прошедшей зиме.

Последние три дня Гусарыня практически не покидала корзины, а её верный друг был всегда рядом. Оля заглянула к ним ближе к полудню.

– Как вы себя чувствуете? Скоро потомство будет? Гусь-супруг подбежал к ней и, вытянув шею, наклонил голову. Тут же вернулся к супруге, дав понять, что им не до гостей.

– Ладно, ладно, не буду мешать, – девочка вышла, удивляясь такому заботливому отношению гуся к своей подруге. – Переживает как человек!

Девочка прошлась по двору и увидела Маруську на крыше домика гусей.

– Что, подруга, сторожишь? Тебя тоже выгнали? Пойдём, я дам тебе молока.

Кошка послушно отправилась за хозяйкой. После обеда Оля вышла во двор покормить Тайну и услышала, как ей показалось, беспокойное гоготанье гусей. Вылив варево собаке в чашку, она заглянула к птицам. Гусар пританцовывал, переминаясь с ноги на ногу, постоянно вытягивая шею, беспрестанно кланяясь и гогоча. Гусарыня сидела торжественная на своём троне, иногда отвечая на призыв мужа негромкими возгласами. Увидев девочку, счастливый гусак с гортанным клёкотом подбежал к ней и, гогоча, словно исполняя песню, вернулся к супруге. И вдруг Оля увидела маленькую чёрненькую головку, высунувшуюся из-под крыла мамочки.

– Так вот почему ты танцуешь! У тебя детки появились! – девочка захлопала в ладоши. – Ой, папаша, а ты ещё хвастаться умеешь! – восхищённо сказала она и поклонилась гусаку в пояс. – С первенцем вас!

Гусенок вылез, будто почувствовал, что говорят про него, и забрался матери на спину. Из-под крыла показался ещё один, и ещё...

– Ой, Гусарыня, с детишками тебя! – Оля погладила её по голове, чуть дотронувшись до гусёнка.

Гусарыня одобрительно прогоготала, разделяя хозяйкину радость. На следующий день, ближе к вечеру, когда солнышко прогрело землю, новоявленный папаша впервые вывел своё потомство из укрытия, строго гогоча и следя за порядком в отряде. Тайна даже не посмела вылезти из конуры, чувствуя его настроение. Гусь направился в огород, к тому участку земли, что оставляют под паром, то есть отдыхать от урожая. Участок был застелен нежным покрывалом первой зелени. Маленькая хозяйка в это время была в огороде, бегала по изумрудной траве. Она поспешно открыла дверцу, и процессия торжественно отправилась на ужин. Родитель щипал траву, объясняя своим несмышлёным, непослушным деткам, как это надо делать. Гусята щебетали, послушно отщипывая молодые побеги травы.

Последние два яйца никак не хотели «оживать», и Оля с Маруськой каждый день ждали «залежавшихся» лентяев, упорно не хотевших появляться на свет. Гусак с семейством пощипывал траву, нетерпеливо ожидая последышей.

Детвору пора было вести на озеро, но без своей подруги он не хотел заниматься этим важным делом. Гусарыне тоже надоело ждать оставшихся лентяев, и она клювом расшелушивала скорлупу яйца, где второй день бился невылупившийся гусёнок.

– Ой, мамаша, не повредите малыша! – беспокоилась девочка.

Второе яйцо тоже оживало, шевелясь под гусыней. Гусарыня осторожно отшелушивала скорлупу, негодуя на её твердость, она чувствовала, что детки никак не могли пробиться наружу. Гусята ощущали помощь матери и сами старались изо всех сил. Вот показались их влажные головки. Оля с Маруськой подбежали к корзине. Кошка по-хозяйски оперлась лапами о корзину, разглядывая малышей. Оля, сидя на корточках возле гнезда, погладила гусыню:

– Умница, ты хорошая мама! – она дотронулась рукой до гусят. – Маленькие вы наши! – ворковала хозяйюшка. – Мы столько времени вас ждали.

Взяв на руки одного гусёнка, первым освободившегося от скорлупы, она закружилась с ним по полу, прижимая его к себе и целуя. Поставив гусенка на пол, девочка раскинула руки и, подражая отцу семейства, затанцевала. Новоявленное существо стало ощипываться, поглядывая на хозяйку. Вдруг птенец подбежал к Оле, раскинув свои маленькие крылышки, забрался к ней на ногу и замер.

– Ты мой хорошенький! – девочка взяла его на руки. – Ты мой любименький!

Гусёнку нравился ласковый голос и, зажмурившись, он предоставлял право двуногому существу ухаживать за собой. Маруська забралась в корзину и вместе с мамашей обрабатывала второго гусёнка. Она вылизала ему все маленькие части тела.

– Вот и хорошо, всё семейство теперь в сборе! Сегодня на озеро не ходите, вечереет уже, а завтра можете отправляться. Да и новеньким надо подкрепиться, – Оля старалась участвовать во всех гусиных делах и заботах.

Гусар, подойдя к подруге, немного потанцевал, рассказывая, как он один тут справляется с детишками и, прикоснувшись к ней своей головой, замер на мгновение. Гусарыня с достоинством и покорностью приняла ухаживания супруга, и оба заспешили к деткам.

На фоне остальных братьев и сестёр последние два малыша отличались своей хрупкостью и незащищённостью. Маруська, сидя на заборе, наблюдала за беспокойным хозяйством. Вылупившиеся недавно малыши вели себя особенно беспокойно. Они были неслухами и постоянно убегали от родителей. Один из них подбегал к хозяйюшке и садился ей на ногу. Оля брала его на руки, гладила и целовала как котёнка, после чего отправляла обратно к родителям. Второй, погуляв по лужайке, подбегал к матери, жался к ней и опять убегал в поисках неизвестного. Оля сама вечером проверила в сарае воду у гусей, постелив ещё свежей соломы, ушла в дом.

На следующий день, зайдя к гусям, маленькая хозяйюшка обнаружила Маруську, облизывающую своего подопечного. Один любимец ринулся к ней со всех ног и замер на её ноге.

– Ты меня узнал, да?! – она бережно взяла малыша. – Я по тебе тоже соскучилась. – Девочка прижала гусёнка к груди.

Оскорблённый отец недовольно гоготал, обращаясь то к хозяйке, то к кошке. Ему не нравилась такая вольность детей, но те на его ворчание не обращали внимания.

– Ты пойдёшь, дочка, с гусями на озеро, помоги родителям, – отец похлопал её по плечу.

– Гусарыне будет спокойней, она ведь любит вас с Маруськой, коль разрешает вам тешить своих малышей.

Гусак шёл впереди, слева от своих детей, а Гусарыня справа от них, охраняя своё потомство с другой стороны. Гусь, вытягивая шею, гортанно издавал звук при приближении опасности – чужой собаки или кошки, а Гусарыня ошипывала своих деток, будто пересчитывая их. Девочка с кошкой шли сзади, чтобы не мешать родителям исполнять свой долг. Но два последних малыша постоянно отставали от процессии, подбегая к Оле и Маруське. На озере, накупавшись, нанырившись с родителями, зорко следящими за своими детками, эти двое не шли вместе со всеми, а бежали к кошке и девочке.

Оля умилялась такому постоянству, брала своего любимца на руки, и тот блаженно замирал в её тёплых ладонях. Маруська облизывала своего подопечного, как собственного котёнка. Стоило Маруське отойти от гусёнка, как тот сразу перебежал к кошке и опять жался к её боку.

Вечером Оля с радостью рассказывала родителям о любимчиках: о Маруськином и о своём.

– Вы теперь их родители, – выслушав, заключил отец.

– Как это – родители? – девочка засмеялась недоумевая.

– У гусей есть такая черта кого первыми увидят, того и принимают за родителя. Вы же с Маруськой первые, кого увидели последние два гусёнка. Нельзя было этого делать. Им теперь трудно будет выжить среди своих сородичей. В стае существует непрекословное подчинение старшим, иначе бы и не существовали они так долго. У них все слажено.

– Я же не знала, что же нам теперь делать?

– Ничего, пусть растут, а там видно будет, – Тимофей задумчиво смотрел куда-то вдаль.

Эти двое гусят так и остались неслухами для своих родителей. Поначалу гусак очень сердился, но и ему надоело бегать за непослушными детками. Олин Хвостик, так окрестили гусёнка, бегущего за маленькой хозяйкой, не мог дожидаться утра, чтобы забраться на руки к своей «родительнице».

Маруськин же подопечный так любил свою маму-кошку, что порой сложно было дозваться его на прогулку.

– Мусик, а Мусик, – ласково обращалась девочка к малышу, – хватит тебе слушать мурлыканье кошки, пора на озеро.

Маруська потягивалась, гусёнок вскакивал, расправлял крылышки, приподнимался на лапках и тоже, будто потягиваясь, хлопал ими. Кошка важничала, она знала, что пока она не выйдет из сарая, её любимец никуда не пойдёт. Мусик перенял все кошачьи повадки: кошка любила покувыркаться в траве и потом полежать на спине на солнышке, гусёнок делал то же самое.

Маруська любила подкарауливать птиц, затаившись в кустах, по-пластунски подкрадываясь к своей добыче. Было смешно наблюдать за Мусиком, выглядывающим из кустов и скачущим перебежками за «мамашей». Она иногда шипела на него за то, что он обнаруживал их местонахождение, но гнев её был недолгим, кошка любила своего Мусика.

– Не приживутся в стае эти два неслуха, придётся их дома оставлять, – как-то сказал отец дочери, – погибнуть могут в перелёте. Они ведь только и будут думать о вас: Хвостик – как на руки забраться к своей маленькой мамочке, Мусик – как послушать кошкину колыбельную на ночь. Даже случайные родители несут за своих детёнышей полную ответственность.

Над селом взмыла стая гусей. Молодняк летел выстроенным клином, охраняемый родительским оком с двух сторон.

– Вот и нашим гусятам пришла пора освоить пространства, испытать силу и умение, показать всё то, чему они научились у родителей, – вздохнув, с грустью проговорил Тимофей.

Отец с дочерью долго смотрели в лазурную синь неба, греясь мыслью, что и их забота принесла помощь гусяной семье в сохранении потомства.

Возвращались домой полным составом: Оля с Хвостиком, Маруська с Мусиком и слегка озабоченный Тимофей, он представлял выражение лица жены, когда она поймёт, что бани ей снова не видать, и надолго.

Все тексты взяты из открытых источников и выложены на сайте для не коммерческого использования.
Все права на тексты принадлежат только их правообладателям.